

Хлопок как ресурс (де)модернизации в Узбекистане и источник национализмов

Б. А. Алимджанов

Бахтиёр Абдихакимович Алимджанов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института антропологии АН Республики Узбекистан.

Республика Узбекистан, Ташкент, ул. Мирзо Улугбека, 81.

E-mail: balimdjanov@gmail.com

EDN: OQZTNS

Аннотация. В статье анализируется хлопок как ресурс модернизации и демодернизации социальной жизни в Узбекистане с конца 1980-х годов до сегодняшнего дня. Хлопок является основным элементом колониальной ситуации в Узбекистане и воспринимался как часть демодернизационного проекта с конца 1980-х до середины 1990-х годов. Хлопок — важнейший материальный символ политической идеологии узбекского общества, всякий узбекский национализм определяется отношением к хлопку. Трактовки роли хлопка в истории Узбекистана динамичны, аморфны и зависят от конкретного культурного и политического контекста. Основные исследовательские вопросы статьи: как хлопководство превратилось из элемента демодернизационного проекта в демодернизационный? Как это отразилось на культуре и мировосприятии интеллигенции? Каким образом в 2000-е годы хлопок снова стал ресурсом модернизации в независимом Узбекистане? Почему хлопок не стал деколониальным проектом «национального возрождения»? В написании статьи автор опирается на разработки С. Н. Абашина по национализму. Национализм ситуативен и зависит от исторического контекста и интересов элит: отношение к хлопку определяется как часть проекта демодернизации в Узбекистане, как неудавшийся советский опыт. Одновременно отношение к хлопку стало катализатором роста национализма, который приобрел форму «плаксивого», обвиняющего во всех бедах советский проект модернизации, который в «одночасье» превратился в «демодернизационный». Узбекский национализм 1980-х годов по своему характеру сильно отличается от национализма 2000-х. Первый делал упор на «исправление» советской системы, второй носил утопический характер — модернизационный, хлопок для этого национализма стал играть роль *Другого*.

Ключевые слова: хлопок, модернизация, Узбекистан, «национализм интеллигентов», С. Абашин, Ж. Баландье

За предыдущие 150 лет каждая политическая система в Средней Азии пыталась «освободить» и ускорить развитие страны посредством хлопководства. Парадоксально, но хлопок стал материальным фактором и модернизации, и демодернизации местных экономических и политических структур. Модернизация, в основном предполагая техническое обновление производств, частично перекраивала и местные элиты: власть навязывала им коренные *измене-*

ния в хлопководстве, выгодные всем акторам. Когда взаимовыгодность исчерпывала себя, возникала демодернизационная ситуация. Элиты начинали сопротивляться изменениям в сельском хозяйстве и продвигали «феодальный» проект. Национализм играл цементирующую роль в этих отношениях между властью и элитами, принимая разные формы — от постоянно «незавершенного» нациестроительства до махрового национализма. Каждый раз новая власть, чтобы утвердиться и легитимировать существующие отношения, использовала дискурс «освобождения от диктата хлопка». В свое время хлопок был гарантией интеграции Туркестана в Российскую имперскую структуру и в мировой капитализм. При Советах хлопок стал олицетворением освобождения местного населения от капитализма и феодализма. В постсоветском Узбекистане хлопок официально объявлен символом освобождения от диктата Москвы и коммунистов. Таким образом, хлопок последовательно играл роль угнетения, освобождения, модернизации и демодернизации. А кроме того, он также олицетворял национализм, патриотизм и ресентимент.

В отличие от других национализмов, узбекский национализм воплотился в конкретном материальном объекте — хлопке. «Осязаемый» узбекский национализм — «не ускользающий», можно считать его довольно устойчивым, он меняет свое содержание исключительно под давлением извне или под контролем властей. Одновременно узбекский «хлопковый национализм» многослоен и гибок. В то время как европейские национализмы опираются на развитие печати, капитализма и крушения империй, узбекский национализм укладывается в конкретные временные рамки, логичен и поддается анализу.

Узбекский «хлопковый национализм» не слишком чувствителен к исламу и традиции. Он не эссенциален и предрасположен к свободной интерпретации. Одновременно его влияние ограничено лишь местной интеллигенцией и фактически не участвует в формировании местных элит.

Хлопок, начиная со второй половины XIX столетия, стал считаться символом модернизации в Средней Азии (Беккерт, 2014). Советская модернизация вообще была заточена именно на развитие хлопководства в Узбекистане. С подачи советских идеологов хлопок стал признаком «национализирующегося» Узбекистана, а образы хлопка появились на гербе советского Узбекистана. «Узбек» и «хлопок» стали ассоциативными понятиями. Вырачивание хлопка трактовалось идеологами как освобождение советского Востока от феодализма и торжество социализма в Узбекистане, иными словами, хлопок стал олицетворением освобождения узбеков от «векового угнетения». Однако уже в 1970-е годы экономическая ситуация постепенно меняется и хлопок начинает терять свой модернизационный ресурс. Начиная с середины 1980-х годов в среде интеллигенции Узбекистана широко распространяются антихлопковые настроения, хлопок превращается в символ угнетения. Именно в это время возникает на-

ционалистический дискурс в форме критики хлопка как монокультуры. Основной причиной этого политического явления можно считать убежденность национальной интеллигенции, что расширение хлопковых полей стало основной причиной отсталости и сверхэксплуатации местного населения. Широкое применение труда студентов и жителей городов во время сбора хлопка порождало недовольство. Хлопок стал символом колониализма и политической зависимости республики от Москвы. Назовем этот тип национализма «национализмом интеллигентов». «Борьба» с выращиванием хлопка стала катализатором политических акций и публичного освещения коррумпированности политических элит советского Узбекистана. В конце 1980-х годов интеллигенция считала, что хлопководство способствовало возникновению в Средней Азии «феодального социализма» (Уляхин, 1991: 129).

Особо нужно отметить, что правящие местные элиты в 1988–1991 годах не стремились к политической и экономической независимости (Абашин, 2011) и, на мой взгляд, использовали хлопковую риторику для увеличения дотаций из Центра. Возможно, не получив желаемого, местные элиты и сделали ставку на национализм и критику советского прошлого. Им на руку сыграли «националистически» настроенная местная и творческая интеллигенция. Представители национальной культуры стали основными критиками экономической политики Центра по отношению к Узбекистану.

В рамках статьи мы хотели бы ответить на следующие исследовательские вопросы: как хлопководство превратилось из модернизационного проекта в демодернизационный? Как это отразилось на культуре и мировосприятии интеллигенции? Каким образом в 2000-е годы в независимом Узбекистане хлопок снова стал ресурсом модернизации? Почему хлопок не стал деколониальным проектом «национального возрождения»?

В своем анализе мы опираемся на разработки С. Н. Абашина по узбекскому национализму. Так, при объяснении феномена негативного отношения к хлопку в Узбекистане он считал, что «национализм не является изначально заданной программой или колеей, а связан с конкретными контекстами, позволяет увидеть различные постсоветские траектории национализмов в Центральной Азии» (Абашин, 2011: 198). Именно исторические контексты определяют отношение к хлопку как проекту демодернизации в Узбекистане как «неудавшемуся». Под демодернизацией понимается процесс отказа от ускоренного развития местной экономики, отказ от техники в сельском хозяйстве, возврат к ручному труду, усиление силовых (принудительных) методов в ведении хозяйства. Одновременно отношение к хлопку стало катализатором национализма, который приобрел форму «плаксивого» национализма, обвиняющего во всех своих бедах советский проект модернизации, в «одночасье» превратившийся в «демодернизационный».

Узбекский национализм 1980-х годов по своему характеру, на наш взгляд, сильно отличается от национализма 2000-х. В пер-

вом упор делался на «исправление» советской системы, он носил утопический характер, хлопок для этого национализма стал играть роль *Другого*. Второй — современный узбекский национализм опирается на идею национального государства, неотъемлемой частью которой является «десоветизация» Узбекистана.

Я рассматриваю хлопок в антропологическом и историческом контексте как активного агента, подпитывающего местные национализмы. С этой точки зрения хлопок является непосредственно продуктом колониальной ситуации, не теряющим своего значения в постколониальном Узбекистане.

Колониальной ситуацией, по Ж. Баландые, считается наличие контроля и открытости местной экономической и политической системы центральным властям (Баландые, 2013). Однако парадокс состоит в том, что во время наивысшего расцвета хлопководства в советском Узбекистане экономика хлопка была самой коррумпированной и непрозрачной, так что концепт Баландые нуждается в корректировке. Однако нас больше интересует, как «открытость» экономики (спускаемый сверху ежегодный план объемов урожая хлопка) уживалась с национализмом и коррупцией в сфере хлопководства? По нашему мнению, именно эти разрывы между плановой экономикой и коррупцией в местных сельскохозяйственных структурах и порождали национализм узбекской интеллигенции и части элиты советского Узбекистана. Ослабление контроля над хлопком давало надежду местным элитам повлиять на колониальную ситуацию. Таким образом, модернизация по-советски превращалась в колониальный надзор над производством хлопка, который порождал недовольство элит республики, считавших, что Центр обделяет их при распределении материальных ресурсов. Местные элиты и интеллигенция предполагали, что республика дает Центру хлопка больше, чем получает взамен материальных ресурсов для своего развития. Такое неравенство обмена раздражало местных производителей хлопка, хотя во многих случаях эта риторика скрывала коррупцию и воровство верхушки (Cusciolla, 2017). Узбекская элита в 1980-е годы считала, что хлопок стал «монокультурой» в сельском хозяйстве, и потому потерял статус продукта модернизации местной экономики и социальной жизни. Иными словами, дискурс о «монокультуре хлопка» стал триггером недовольства элит Центром, хотя настоящей причиной была не «монополизация хлопководства» в Узбекской ССР, а невыгодный обмен ресурсов между ними.

В современном постсоциалистическом Узбекистане хлопковый сектор занимает 33% всех орошаемых земель¹. Несмотря на такой масштаб, хлопок не воспринимается как «проклятие» или как колони-

1. Ильхамов А. Последствия строительства канала Кош-Тепа в Афганистане для системы водоснабжения в Узбекистане. <https://cenasiaduedilgence.uk/wp-content/uploads/2023/11/Ikhamov-Qosh-Tepa-Uzb-Water-Supply-Rus.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

альный продукт, а вновь элемент модернизации, он уже не символ Другого — колониального, а неотъемлемая часть узбекского национализма(ов). Таким образом, современный узбекский национализм потерял внешнее материальное проявление, превратившись в «национализм в себе». Интересно, что хлопок уже не ассоциируется с «узбеком», по замыслу новой элиты он стал «безликим» и обрел хозяина в лице фермера, который, по мнению властей, стал «обладателем и хозяином» хлопка (хотя его производят и крупные агрокластеры).

Двузначность символизма хлопка в современном Узбекистане порождает эпистемологический разрыв, который ведет к возникновению «неколониальных мотивов» и порождает новые национализмы. Эти новые национализмы несколько отличаются от национализмов Восточной Европы. Местные национализмы — «ускользающие» (Малахов, 2021), но становятся устойчивыми понятиями в среде нового поколения интеллигенции, которая уже критикует «слабость» и «коррупционность» постсоциалистических элит. В отличие от национализмов Восточной Европы, узбекские национализмы не имеют традиции либерализма, и во многом опираются на диссидентские идеи советского времени: они воспроизводят националистический дискурс 1970–1980-х годов. Исламские и консервативные идеологии фактически не влияют на формирование новых узбекских национализмов. Всё как бы возвращается на круги своя: «интеллигентский национализм» снова набирает силу, связывая современность с 80-ми годами прошлого века. На этот национализм влияют несколько факторов: безработица в селе, образование крупных кластеров по хлопководству, неэффективное управление, неравномерное распределение ресурсов между столицей и регионами. И все чаще слышатся голоса, что во всем виноват хлопок. Во время президентства И. Каримова (1989–2016 гг.) на селе всех принуждали собирать хлопок, в результате с сентября по декабрь школьники и студенты были заняты сбором урожая этой культуры. Узбекская молодая интеллигенция объясняет свою «малообразованность» и «отсталость регионов» Узбекистана именно этим принудительным сбором хлопка в своих детстве и юности. Таким образом, хлопок вновь описывается как причина национальной отсталости и провал модернизации современного Узбекистана каримовского периода. «Ненависть» к хлопку порождает ресентимент у местной интеллигенции, которая выливается в махровый ретронационализм, выражающийся в ненависти ко всему советскому.

Интеллектуальное обоснование хлопковой «демодернизации»

В исторической литературе существует корпус статей и монографий о хлопке как демодернизационном ресурсе Центральной Азии. Подобная демодернизация понимается как ограниченное использование техники в сельском хозяйстве, упор на ручной труд, низ-

кая оплата труда, принудительное привлечение к труду школьников, студентов и сельских женщин. Все эти мероприятия советского периода вызывали сопротивление местных элит и интеллигенции, на основе которого и сформировался «интеллигентный национализм». При этом почти все согласны с тем, что причиной демодернизации стала монокультура хлопка как основа дисбалансов в сельском хозяйстве советского Узбекистана. Именно монокультура хлопка породила экологические проблемы (например, высыхание Аральского моря), снижение благосостояния сельских жителей, привела к усилению асимметричных отношений между местными элитами и Центром. Исследователи пытаются объяснить развитие хлопководства в 1970–1980-е годы в советском Узбекистане как результат «деформации» экономики (Растяйников, 1996), «высокого модерна» (Obertreis, 2017), «проклятием» (International crisis group, 2005: 30), «расхищением национальных богатств» (Назаров, 2023), причиной «периферийности» (Нарзикулов, 1991), господством хлопковой монокультуры (Дерюгина, 2018) и «национализмом» элит (Абашин, 2011: 201). Отличной является позиция этнографа С. П. Полякова, который на излете Советского Союза опубликовал монографию «Традиционализм в современном среднеазиатском обществе» (Поляков, 1989), в которой признает в целом провал советской модернизации в Средней Азии, в частности в Узбекистане, но считает причиной поверхностный характер этой модернизации. Так, его исследование указывает, что в советском Узбекистане стремительно развивалось приусадебное хозяйство, и развивались подобного рода «буржуазные» отношения. Однако в целом в локальных историографиях до сих пор доминирует точка зрения, осуждающая советскую хлопковую политику в Средней Азии. Тотальная критика хлопковой индустрии в Узбекистане к тому же шла в рамках политической борьбы внутри страны и громкого коррупционного «хлопкового дела».

На наш взгляд, помимо громких политических сюжетов, дискредитация хлопка как символа угнетения и сверхэксплуатации происходила при помощи также визуальной культуры, особенно кино. Именно в 1980–1990-е годы был создан ряд фильмов, откровенно осуждавших узбекский хлопок как монокультуру. Это художественные фильмы «Темир хотин» («Железная женщина»), «Абдулладжан», «Майсаринг иши» («Проделки Майсары»), «Отамдан қолган далалар» («Отчие земли»), негативно описывающие хлопок как политический проект и демонстрирующие влияние хлопка на социальную и культурную жизнь населения. Немаловажную роль в «демонизации» хлопка сыграли тексты о частной собственности на землю ученых-экономистов и обществоведов. Некоторые узбекские историки критиковали систему колхозов и совхозов, которые, по их словам, уничтожили творческую энергию узбекского крестьянства, став источником сверхэксплуатации и несправедливого распределения экономических ресурсов в селе. Например, исследовательница Н. Махкамова утверждает, что «к 1917 году в Туркестане в числе мужчин работоспособного возраста (то есть

старше 18 лет) 76% были владельцами различной по размерам и видам собственности»². По мнению историков независимого Узбекистана, советская власть, уничтожив частную собственность и собственников, заложила основу сверхэксплуатации населения Средней Азии. Так эмоциональная оценка позднесоветского периода и некритическое отношение к периоду независимости породили негативное отношение к хлопку у местной элиты и интеллигенции.

Трансформация хлопка как символа демодернизации/модернизации происходила в несколько этапов. С конца 1980-х до середины 1990-х годов хлопок воспринимался как демодернизационный проект, но уже в конце 1990-х годов он стал интерпретироваться как национальное богатство. Именно тогда колхозы и совхозы преобразовывались в фермерские хозяйства и объединялись в производственные кластеры. Впрочем, в Узбекистане этот процесс регулируется и контролируется государством. Хлопок не перестал быть стратегическим продуктом, он олицетворяет могущество государственных структур. В этом смысле хлопок не только товар, но прежде всего важнейший политический и идеологический инструмент политической системы и опора властных элит. Видимо, поэтому писать о хлопковом «бизнесе» в СМИ не поощряется.

Позднесоветская практика массового привлечения населения на уборку хлопка продолжалась до конца 2000-х годов, однако, по оценкам многих наблюдателей, Узбекистан отказался от принудительного детского труда в этой отрасли. Снова, как и в 1950–1960-е годы, хлопок стал катализатором реформ в сельскохозяйственной отрасли республики. Совместно с западными партнерами строятся новые текстильные фабрики. Узбекистан стремительно движется к реализации неолиберальных идей в экономике, хотя и с запозданием почти на 30 лет по сравнению с другими постсоветскими республиками. Но, несмотря на текущую реставрацию модернизационного потенциала хлопка, именно этот продукт остается символом демодернизации в умах молодого поколения узбекской интеллигенции. Подобная амбивалентность хлопка создает интеллектуальный раскол и основу для новых национализмов в узбекском обществе.

Как хлопководство превратилось из модернизационного проекта в демодернизационный

В 1980-е годы узбекская советская интеллигенция стала активно критиковать тяжелые условия работы и жизни на селе. Виной этого объявили хлопководство. Хлопок стал признаком угнетения и одновременно олицетворением власти — чужой и собственной.

2. *Махкамова Н. Р.* Средние собственники Узбекистана — основа благополучия государства (история и современность). <http://dspace.khazar.org/jspui/bitstream/20.500.12323/927/1/28.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

Хлопок представлялся материально оформленным выражением несправедливого распределения ресурсов между центром и периферией. Необходимо учитывать тот факт, что в 1970–1980-е годы многие студенты — выходцы из сел получили гуманитарное образование в Ташкенте и остались в нем работать. Именно тогда молодые драматурги и писатели стали все больше писать о социальных проблемах села. Одним из первых произведений, повествующих о социальных проблемах на узбекском селе, была комедия «Темир хотин» («Железная женщина», 1990)³. Главный герой пьесы Қўчқор — тракторист-алкоголик. В один прекрасный день в его село приезжает ученый с женщиной-роботом хлопкоробом. Робот становится женой Қўчқора и выполняет все домашние дела на селе. Но во время сбора хлопка даже женщина-робот от непосильного труда выгорает и ломается. Пафос комедии заключался в том, чтобы показать непосильный труд сельской женщины и несчастного тракториста, находящего утешение в алкоголе. Хлопок в этой комедии становился маркером бедности и неравенства между городом и селом. Именно в хлопке виделась причина беспросветной жизни простого узбекского хлопкороба, отнюдь не являвшегося конечным бенефициаром этого продукта. И так хлопкороб все трудится, а его жизнь не меняется к лучшему. Выводы из этой комедии состояли в том, что на селе ничего не меняется, модернизация не происходит, хлопководство представляет собой демодернизационный проект.

Фильм «Абдуладжан, или Посвящается Стивену Спилбергу» (1991) комично показывает культурную сторону демодернизации узбекского общества. Сторож сельмага в узбекском кишлаке пишет письмо Спилбергу, поскольку посмотрел некоторые его произведения в местном видеосалоне. Он рассказывает историю контакта с внеземной цивилизацией, произошедшей в колхозе «Коммунизм». В фильме население узбекского села верит в чудеса и ждет спасителя. И тут местный колхозник встречает мальчика-инопланетянина, приглашает его домой. Мальчик-инопланетянин получает имя Абдуладжан и начинает творить эти чудеса. Фильм демонстрирует духовный кризис в узбекском селе. Хотя в фильме нет собственно сцен, связанных с хлопком, но невольно создается ощущение, что среднеазиатская деревня стала оазисом Средневековья при несостоявшейся модернизации.

В фильме «Проделки Майсары» рассматривается своеобразная феодализация советских прокуроров и судей. Здесь демодернизация проявляется в поведении узбекских госслужащих, ведущих себя как феодалы. Так советский модернизационный проект воспринимался как новая форма для все того же «неизменного» узбекского феодализма. Хлопок в подобного рода фильмах-комедиях становится фо-

3. *Бошбеков Ш.* Темир хотин (комедия). [https://n.ziyouz.com/books/uzbek_dramaturgiyasi/Sharof%20Boshbekov.%20Temir%20xotin%20\(komediya\).pdf](https://n.ziyouz.com/books/uzbek_dramaturgiyasi/Sharof%20Boshbekov.%20Temir%20xotin%20(komediya).pdf) (дата обращения: 21.01.2025).

ном, маркирующим «отсталость» узбекской деревни и феодализации ее социальных отношений. В этих фильмах советскость представлена как, прежде всего, принуждение, в результате любая модернизация изначально как бы включает в себя неизбежную «собственную» демодернизацию. Ориентализация советской демодернизации и гиперкритика советских реформ со стороны узбекской интеллигенции породили, таким образом, в 80-е годы XX века национализм.

Конечно, одним из мощных катализаторов превращения хлопковой экономики в демодернизационный проект стал коррупционный скандал в Узбекистане во второй половине 1980-х годов, известный под именем «хлопкового дела» (Уяма, 2021; Юнусова, 2018). В связи с ним в Узбекистане действительно было арестовано, уволено или понижено в статусе множество должностных лиц. 40 из 65 секретарей обкомов и райкомов партии были сняты со своих постов до января 1985 года, а в 1986 году только 34 из прежних 177 членов ЦК КП Узбекистана были переизбраны. Одним из самых громких процессов «хлопкового дела» стал арест и суд над председателем совхоза Папского района Адылова. По мнению Абашина, именно «дело Адылова» в глазах жителей всего СССР наклело на местное население ярлык «отсталого и остановившегося в своем развитии» (Абашин, 2023: 122). Таким образом, критика так называемого демодернизационного хлопкового проекта стартовала с двух сторон: из Москвы и из среды местной интеллигенции. Интересно, что Адылов на суде оправдывал свои поступки тем, что строил «капитализм в отдельно взятом кишлаке».

Элиты Узбекистана продолжали курс модернизации и не воспринимали критику Центра и интеллигенции, настаивая на незавершенности модернизации советского Узбекистана и требуя больше ресурсов из Центра: хлопок стал разменной монетой в торге между Центром и местными элитами. Интеллигенция требовала больше ресурсов для облегчения жизни республики, а также культурной автономии, и в результате возник своеобразный национализм, переросший в ультранационализм и исламизм. Национализм местных интеллигентов не поддерживался элитами, он использовался в политической борьбе за распределение символических ресурсов. В первой половине 1990-х годов «национализм интеллигентов» выдохся под репрессивным давлением властей. На смену «национализму интеллигентов» пришла государственная идеология «национального возрождения». Инициативу националистического дискурса перехватила узбекская политическая элита и властные структуры.

Каким образом в 2000-е годы хлопок снова стал ресурсом модернизации в независимом Узбекистане?

Отношение к хлопку и хлопководству стало резко меняться сразу после обретения Узбекистаном политической независимости. Мо-

дернизацию в 1990-е годы узбекские власти понимали специфически технократически, стремясь, в основном на словах, обновить соответствующие производственные площадки. Тем временем заводы закрывались, а применение ручного труда расширялось. Но модернизацию воспринимали как мечту, которая должна осуществиться в недалеком будущем, это явление в политической жизни Узбекистана можно объяснить «эффектом колеи» (path dependence). Новая «старая» власть, которая состояла из бывших коммунистов, попыталась «освободить» население от «диктата хлопка». Хлопок снова стал символом освобождения от плохой «старой» власти. Почти 150 лет хлопок считался в Узбекистане символом модернизации, и только в 1980-е годы на короткое время превратился в демодернизационный проект. Усилиями И. Каримова хлопок опять объявляется символом модернизации современного Узбекистана. Я бы назвал это явление «риторическим национализмом», когда на словах обещают экономическую модернизацию, а на практике идет процесс демодернизации в обертке модернизации. В 1990-е годы усилиями первого президента Узбекистана И. Каримова начали проводиться реформы, дабы вернуть хлопководство в модернизационное русло. В 1998 году на месте советских колхозов и совхозов появляются фермерские и дехканские хозяйства (Постановление Кабинета министров, 2002; Ражабов, 2014). Фермерские хозяйства создавались по результатам открытого конкурса, в котором председательствовал хоким (губернатор) области. Его цель состояла в «поиске способных, имеющих соответствующие знания и навыки, трудолюбивых и предприимчивых граждан для предоставления им права на организацию фермерского хозяйства» (Постановление Кабинета министров, 2002). Фермерским хозяйствам вменили осуществлять «продажу продукции для государственных нужд и соблюдение севооборота». Реформы в сельском хозяйстве предполагали в перспективе создать класс собственников. В настоящее время именно фермеры производят почти 99% хлопка в республике. Главное отличие фермерского выращивания хлопка от советского состоит в том, что фермер является арендатором земли. Власти республики отмечают высокую производительность фермерских хозяйств, а фермерское движение стало признаком «победы» рыночных отношений в селе. В отличие от колхозов и совхозов, фермерское хозяйство, по мнению властей, отвечает интересам населения и является стимулом для развития и «модернизации» агропроизводства, которое «извратила» советская система. Основная задача правительства сегодня — ограничить экспорт хлопка-сырца и перерабатывать его в республике до готовой продукции. Развитие хлопководства предполагает обновление ирригационных сетей, строительство текстильных фабрик и увеличение занятости населения. Через развитие хлопководства, по замыслу руководства, возникнет средний класс, который станет опорой государства в проводимых реформах. Интересно отметить, что власти не признают завершенность эко-

номической модернизации, соглашаясь с критиками, что еще много нужно сделать в сфере сельского хозяйства, чтобы достичь процветания и благополучия в узбекском селе.

В 2016 году президентом Узбекистана стал Ш. М. Мирзиёев, который продолжил реформирование, в частности, хлопководческих хозяйств. Президент Мирзиёев предложил создать кластеры, которые объединяли бы все цепочки — от выращивания хлопка до производства готовой продукции. В 2020 году в Узбекистане их насчитывалось уже 73. Как отмечают узбекские исследователи:

«Хлопково-текстильные кластеры охватывают не только легкую промышленность, но и десятки других отраслей производства, включая пищевую промышленность, фармацевтику, производство строительных материалов и другие. Конечными целями данной системы являются создание высококачественной продукции под брендом «Узбекистан», социальная защита населения, обеспечение занятости, создание достойных условий труда и решение других важных задач» (Халматжанова, 2020).

Именно при Мирзиёеве хлопок обрел законченные модернизационные черты. В названиях научных статей все чаще стал звучать термин «модернизация» в привязке к хлопку (Байкузиева, 2019; Садыкова, 2019; Юсупов, 2023). «Модернизация» и «хлопок» вкупе стали определять туманную перспективу непрерывного развития и актуальности «выхода» к цивилизованному миру. Экономическая модернизация ставится выше политической и культурной, определяя вектор развития и источник перманентных «преобразований».

Почему хлопок не стал деколониальным проектом «национального возрождения»

Хлопок в Узбекистане имел шанс стать деколониальным проектом еще в конце 1980-х годов. После провала «национализма интеллигентов» в 1990-е годы снова начала преобладать идея модернизации вместо деколониальности. Она близка и понятна властям Узбекистана, а деколониальность заменена на антиколониальный дискурс, который используется в основном в критике репрессий и недостаточного финансирования Центром советского Узбекистана. Деколониальность в большинстве случаев понимается как проявление махрового национализма или как очередной проект демодернизации в форме возврата к доколониальному состоянию. Для воспроизводства деколониального дискурса фактически отсутствует творческая интеллигенция, которая смогла бы производить альтернативные дискурсы модернизации. Деколониальный дискурс остается маргинальным. В 1990-е годы деколониальный дискурс воспроизводился некоторыми писателями и поэтами, например, Т. Мурадом, Х. Худойбердиевой. Худойбердиева писала в своих мемуарах: «Моя мать Шарафат Ханназар кизи умерла в тридцать пять лет, выпив отравленной воды

из арыка на хлопковом поле» (Қосимов, 2023: 387). В одном из своих стихотворений Худойбердиева писала: «Мои поля стали полями горьких слез моих дедов. Мои поля стали полями их горестного пота. Мои поля стали полями увядшей, как цветок, жизни моих женщин» (Худойбердиева, 2013). В 1990-х годах писатель Т. Мурад опубликовал роман «Отамдан қолган далалар» («Отчие долины»). В нем он показал сложную жизнь узбекского крестьянина за последние 150 лет. В его романе есть элементы деколониальности, и для него колониальная модернизация — это изнанка жизни с непрекращающимися репрессиями, подавление личности. Творчество Мурада долгое время было запрещенным.

В большинстве случаев деколониальный дискурс в политической и культурной жизни превращается в антиколониальный дискурс, или в романтизацию доколониальных социальных отношений, и даже в политический эскапизм. Довольно редко высказывания интеллигенции доходят до элиты или простого читателя. Отсутствует внятная рефлексия деколониальности в ситуации победившей «модернизации». Деколониальная критика трактуется властными дискурсами как часть модернизационного проекта Узбекистана, и во многих случаях этот дискурс ретроспективен, он несет в себе националистический заряд и пытается воспроизвести «национализм интеллигентов» 1980-х годов. Вездесущность модернизаторского дискурса всячески подавляет деколониальный дискурс, порой вбирая в себя элементы последнего. «Незавершенность» модернизационного проекта в современном Узбекистане проявляется в том, что модернизация пронизывает все социальные поры и тотально вобрала в себя хлопок и систему распределения ресурсов, связанных с хлопком (воду, землю, инвестиции, людской труд). «Темная сторона» модернизации, т.е. демодернизация, апеллирует к тотальной незавершенной модернизации. В этой «странной» и всегда незавершенной ситуации деколониальность и демодернизация выступают неосознанными частями модернизации.

Заключение

Хлопок — важнейший материальный символ политической идеологии узбекского общества. Хлопок стал основой как модернизационных, так и демодернизационных проектов в истории Узбекистана. Трактовки роли хлопка в истории и современности Узбекистана динамичны, часто аморфны, зависят от конкретного культурного и политического контекста. Навязанная модернизация всех сторон жизни узбекского общества в большинстве случаев приобретала форму национализма, демодернизации и антиколониализма. Эти дискурсы уживались и уживаются сейчас, и принимают разные причудливые формы, оставаясь чувствительными к внешнему влиянию и манипулированию. В 1980-е годы хлопок стал источником «национализма интеллигентов», создавая сюжеты сопротивления и борь-

бы за ресурсы. Исторически извечная «хлопковая тема» является подпиткой не только для национализмов, но и для борьбы с феодализмом узбекских элит; она выражает беспомощность социального проекта в Узбекистане, постоянно воспроизводя демо-дерновый элемент узбекской социальной жизни. Однако согласно проектам современных властей Узбекистана, хлопок обретает все признаки капитализма, а в социальной и политической жизни становится фактором возникновения новых форм национализмов.

Библиография

- Абашин С. Н. (2011). Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики // *Ab Imperio*. № 3. С. 193–210.
- Абашин С. Н. (2023). Зона молчания, «дело Адылова»: Центральная Азия как советский Другой // *Государство, религия, церковь за рубежом*. № 3/4(41). С. 120–148.
- Байкузиева Г. А. (2019). Содержание и особенности структуры сельского хозяйства в регионах в условиях модернизации экономики // *Проблемы современной науки и образования*. № 12-2 (145). С. 102–105.
- Баландье Ж. (2013). Колониальная ситуация: теоретический подход // *Ab Imperio*. № 2. С. 29–64.
- Беккерт С. (2014). Империя хлопка. Всемирная история. Институт Гайдара.
- Дерюгина И. В. (2018). Сельское хозяйство Узбекистана: от хлопковой монокультуры к продовольственной безопасности // *Инновации и инвестиции*. № 9. С. 65–81.
- Қосимов У., Жуманов А. (2023). Ижодкор шахс ва поэтик маҳорат (Ҳалима Худойбердиева портретиға чизгилар) // *Educational Research in Universal Sciences*. Т. 2. № 18 SPECIAL.
- Малахов В. С. (2021). Национализм: ускользающий объект // *Социология власти*. Т. 33. № 2. С. 8–30.
- Назаров О. М. (2023). Усиление хлопковой монополии в Сурхандарьинской области и его социально-экономические последствия // *Образование и инновационные исследования*. № 6. С. 45–48.
- Нарзикулов Р. (1991). Двумилый Янус в сердце Азии: некоторые итоги 70-летнего развития среднеазиатских республик в составе СССР // *Восток*. № 5. С. 121–129.
- Поляков С. П. (1989). Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М..
- Ражабов Ф. Т. (2014). Фермерские хозяйства Узбекистана: развитие и региональные особенности // *Позиционирование России и ее регионов в современном мире: общественно-географический анализ и прогноз*. СПб.: ЦУП. С. 152–157.
- Растяников В. Г. (1996). Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. М.: Институт Востоковедения РАН.
- Садыкова Ш. М. (2019). Системная модернизация Узбекистана // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. № 2-1.
- Уляхин В. Н. (1991). Многоукладность в советской и зарубежной Азии // *Восток*. № 5.
- Уяма Т. (2021). Влияние перемен периода перестройки на становление политических систем стран Центральной Азии: чувство угрозы и авторитаризм // *Международная аналитика*. Т. 12. № 1. С. 55–73.
- Халматжанова Г. (2020). Кластеры — фактор, определяющий развитие аграрного сектора Республики Узбекистан // *Развитие регионального АПК и сельских территорий: современные проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, СибНИИЭСХ СФНЦА РАН, Новосибирский ГАУ. Новосибирск, 15–16 октября 2020 г.* Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос».
- Худойбердиева Ҳ. (2013). Буюк қушлар. Тошкент.

- Юнусова Х. Э. (2018). XX век Узбекистан: некоторые вопросы изучения по «хлопковому делу» // Проблемы современной науки и образования. № 4 (124). С. 70–74.
- Юсупов З. (2023). Пути улучшения технической модернизации сельского хозяйства Республики Узбекистан // Международная конференция академических наук. Т. 2. № 5. С. 87–90.
- Cucciolla R.-M. (2017). Legitimation through Self-victimization the Uzbek Cotton Affair and its repression narrative (1989-1991) // Cahiers du monde russe. № 58(4). P. 639-668.
- International Crisis Group (ICG). (2005). The Curse of Cotton: Central Asia's Destructive Monoculture.
- Obertreis J. (2017). Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991. V&R Unipress.

Cotton as a resource for (de)modernization and a source of nationalism in Uzbekistan

Bakhtiyor A. Alimdzhanov, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Anthropology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Mirzo Ulugbek St., 81, Tashkent, 100170, Uzbekistan. E-mail: balimdzhanov@gmail.com

Abstract. The article considers the role of cotton as a resource for modernization and de-modernization of social life in Uzbekistan from the late 1980s to the present day. The author argues that cotton was a key product in the colonial period, and its perception as a de-modernizing force changed from the late 1980s to the mid-1990s; that cotton has become an integral part of the Uzbek political ideology, and every type of Uzbek nationalism is based on the perception of cotton. The article presents the changing interpretations of cotton's role in the Uzbek history as determined by cultural-political contexts, raising the following research questions: how cotton growing turned from a modernization project to a de-modernization project; how this transformation affected culture and worldview of the intellectual elite; how cotton once again become a source for modernization in independent Uzbekistan in the 2000s; why cotton has not become a de-colonial project of “national awakening”. The author refers to the works of S. N. Abashin on nationalism, describing Uzbek nationalism as situational and depending mainly on the historical context and interests of elites: cotton is perceived as part of de-modernization project in Uzbekistan and as a failed Soviet experiment; at the same time, the perception of cotton became a catalyst for nationalism of the “blame-the-Soviets” type, i.e., the Soviet modernization project is blamed for all the troubles and declared a “de-modernization” project. Uzbek nationalism of the 1980s was very different from that of the 2000s: the former emphasized the need to “fix” the Soviet system, while the latter was rather utopian due to its focus on modernization and perception of cotton as *Other*.

Key words: cotton, modernization, Uzbekistan, “nationalism of intellectuals”, S. N. Abashin, G. Balandier

References

- Abashin S. N. (2011) Natsii i postkolonializm v Tsentralnoi Azii dvadtsat let spustya: pereosmyslivaya kategorii analiza/praktiki [Nations and postcolonialism in Central Asia twenty years later: Rethinking categories of analysis/practice]. *Ab Imperio*, no 3, pp. 193–210.
- Abashin S. N. (2023) Zona molchaniya, “delo Adylova”: Tsentralnaya Aziya kak sovetsky Druh [Zone of silence, the “Adylov case”: Central Asia as the Soviet Other]. *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov za Rubezhom*, no 3/4, pp. 120–148.
- Baikuzieva G. A. (2019). Soderzhanie i osobennosti struktury selskogo khozyaistva v regionah v usloviyah modernizatsii ekonomiki [Content and features of the structure of regional agriculture under economic modernization]. *Problemy Sovremennoi Nauki i Obrazovaniya*, no 12–2, pp. 102–105.

- Balandier G. (2013) Kolonialnaya situatsiya: teoretichesky podkhod [Colonial situation: A theoretical approach]. *Ab Imperio*, no 2, pp. 29–64.
- Beckert S. (2014) *Imperiya khlopka. Vsemirnaya istoriya* [Empire of Cotton: A Global History], Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara.
- Cucciolla R.-M. (2017) Legitimation through self-victimization: The Uzbek cotton affair and its repression narrative (1989–1991). *Cahiers du Monde Russe*, vol. 58, no 4, pp. 639–668.
- Deryugina I. V. (2018) Selskoe khoziaistvo Uzbekistana: ot khlopkovoi monokultury k prodovolstvennoi bezopasnosti [Agriculture in Uzbekistan: From cotton monoculture to food security]. *Innovatsii i Investitsii*, no 9, pp. 65–81.
- International Crisis Group (ICG) (2005) *The Curse of Cotton: Central Asia's Destructive Monoculture*, ICG.
- Khalmatshanova G. (2020) Klastery — faktor, opredelyayushchy razvitie agrarnogo sektora Respubliki Uzbekistan [Clusters as a factor determining the development of the agricultural sector in the Republic of Uzbekistan]. *Razvitie regionalnogo APK i selskikh territoriy: sovremennyye problemy i perspektivy*, Novosibirsk: “Zolotoy kolos”.
- Khudoyberdieva Kh. (2013) *Buyuk qushlar* [Great Birds], Tashkent.
- Malakhov V. S. (2021) Natsionalizm: uskolzayushchy ob'ekt [Nationalism: An elusive object]. *Sotsiologiya Vlasti*, vol. 33, no 2, pp. 8–30.
- Nazarov O. M. (2023) Usilenie khlopkovoy monopolii v Surkhandarinskoy oblasti i ego sotsialno-ekonomicheskie posledstviya [Strengthening cotton monopoly in the Surkhandarya Region and its social-economic consequences]. *Obrazovanie i Innovatsionnyye Issledovaniya*, no 6, pp. 45–48.
- Narzikulov R. (1991) Dvuliky Janus v serdtse Azii: nekotorye itogi 70-letnego razvitiya sredneaziatskikh respublik v sostave SSSR [Two-faced Janus in the heart of Asia: Some results of the 70-year development of Central Asian republics in the USSR]. *Vostok*, no 5, pp. 121–129.
- Obertreis J. (2017) *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*, V&R Unipress.
- Polyakov S. P. (1989) *Traditsionalizm v sovremennom sredneaziatskom obshchestve* [Traditionalism in the Contemporary Central Asian Society], Moscow.
- Qosimov U., Zhumanov A. (2023) Izhodkor shakhs va poetik maxorat (Xalima Khudoiberdieva portretiga chizgilar) [Creative personality and poetic skill (a portrait of Khalima Khudoyberdieva)]. *Educational Research in Universal Sciences*, vol. 2, no 18.
- Razhabov F. T. (2014) *Fermerskie khoziaistva Uzbekistana: razvitie i regionalnye osobennosti* [Uzbek farms: Development and regional features]. *Pozitsionirovanie Rossii i ee regionov v sovremennoy mire: obshchestvenno-geograficheskiy analiz i prognoz*, Saint Petersburg: TsUP Publ.
- Rastyannikov V. G. (1996) *Uzbekistan. Ekonomicheskiy rost v agrosfere: anomalii XX veka* [Uzbekistan. Economic Growth in Agriculture: Anomalies of the 20th Century], Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.
- Sadykova Sh.M. (1991) Sistemnaya modernizatsiya Uzbekistana [Systemic modernization of Uzbekistan]. *Bolshaya Evraziya: razvitie, bezopasnost, sotrudnichestvo*, no 2–1.
- Ulyakhin V. N. (1991) Mnogoukladnost v sovetskoy i zarubezhnoy Azii [Multi-Structure in Soviet and foreign Asia]. *Vostok*, no 5.
- Uyama T. (2021) Vliyaniye peremen perioda perestroiki na stanovleniye politicheskikh sistem stran Tsentralnoi Azii: chuvstvo ugrozy i avtoritarizm [The impact of the perestroika changes on political systems in Central Asian countries: A sense of threat and authoritarianism]. *Mezhdunarodnaya Analitika*, vol. 12, no 1, pp. 55–73.
- Yunusova Kh.E. (2018) XX vek Uzbekistan: nekotorye voprosy izucheniya po “khlopkovomu delu” [20th-century Uzbekistan: Some issues of the “cotton case”]. *Problemy Sovremennoy Nauki i Obrazovaniya*, no 4, pp. 70–74.
- Yusupov Z. (2023) Puti uluchsheniya tekhnicheskoy modernizatsii selskogo khoziaistva Respubliki Uzbekistan [Ways to improve the technical modernization of agriculture in the Republic of Uzbekistan]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya akademicheskikh nauk*, vol. 2, no 5, pp. 87–90.